

Василий
Бадарков

Возвращение
Ростовского
патрошителя

18+

Василий Боярков

**Возвращение
ростовского потрошителя**

«Автор»

2020

Боярков В.

Возвращение ростовского потрошителя / В. Боярков — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-94523-4

Заброшенное кладбище. Ночь. Непроглядная темень. 31 октября 2020 года, идёт празднование священного Хэллоуина. Двум самоуверенным недотёпам приходит неразумная мысль разыграть ближайших товарищей: они устраивают, казалось бы, безобидную сценку, изображающую обрядное воскрешение. Наивные! Как же они ошибались: невинная (вроде?) затея оборачивается кровавой резнёй, и омерзительной, и жестокой, и массовой, и просто невероятной...

ISBN 978-5-532-94523-4

© Боярков В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава I. Отъезд	11
Глава II. Первая вылазка	16
Глава III. Маньяк-убийца уже в Москве	22
Глава IV. Очередные страхи и треволения	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Василий Боярков

Возвращение ростовского потрошителя

Пролог

31 октября 2020 года, канун Дня всех святых, праздник священного Хэллоуина. Ночь. Где-то в Ростовской области...

По заброшенному кладбищу пробирается, друг за другом, группа людей. Она состоит из трёх молоденьких девушек и двух парней, похожих по возрасту. Двигаются осторожно, ступая след в след; ни один не отклоняется от выбранного маршрута.

– Послушай, Арсений, а где сейчас находится твой полоумный братец? – обратилась к их общему провожатому зеленоглазая спутница; она отличается белокурыми волосами, бесподобной фигурой и едва ли достигла восемнадцати лет. – Что-то меня всё это сильно страшает?

– Не знаю, Даша, – отвечал симпатичный, физически развитый парень; он кажется старше блондинистой красотки не больше чем на год, – я и сам удивлён, что он отказался от крайне интересного дела и сослался на – какие-то там? – личные интересы, самоустранившись от заведения классного зрелища...

– Странно?.. – перебил второй паренёк, замыкавший то необычное шествие; он значительно уступает первому товарищу и в мышечной массе, и мужской привлекательности. – Ещё мне чего непонятно?.. Вот, ты говоришь, «идём воскрешать Ростовского потрошителя»; но – насколько мне известно – его похоронили среди тюремных захоронений, а вовсе не здесь, всеми забытом месте?

– Правильно, Костя, – подхватила черноволосая барышня; она обладает несравненными формами как лица, так и всего остального тела (особенно выделяются большие карие очи), – мне тоже кажется, что это какая-то полная «лажа» и что зря мы согласились с тем жутковатым экспериментом. Тем более что меня уже начинает трясти то ли от холода, то ли от ужаса, то ли от самого кошмарного места. Может – пока не поздно! – стоит вернуться?

– Да не «парься» ты, Ксюха! – воскликнула рыжеволосая (как водится во всех таких компаниях, крайне непривлекательная) особа. – Словно ты первый раз участвуешь в таинственных ночных приключениях? Проведём прикольный обряд, немножечко ужаснёмся, а потом все вместе и посмеёмся.

– Хорошо, Кристина, тебе говорить, – возразила несмелая милочка, – во всех нормальных ужастиках выживают, как правило, такие, как ты, а сравнимые со мной всегда погибают.

– Что ты хочешь сейчас сказать?! – наигранно возмутилась не очень красивая девушка; она прекрасно знала о личностных недостатках и не питала особых иллюзий, что если её отвергнут, то она чудесным образом вдруг станет интересна кому-то ещё.

Однако ответа на справедливое требование она так и не получила... Внезапно! Арсений приподнял вверх правую руку, остановился и зловещим шёпотом прошипел:

– Тихо вы, сварливые «клухи»! Чего зря, попусту раскудахтались?! Кажется, мы пришли.

Команда и без того-то являлась ясной, но «торжественность» момента и гнетущая обстановка добавили уверенного оттенка. Все, даже наиболее говорливые (беззаветные спорщицы), незамедлительно замолчали.

– Вот она – та самая «гнилая» могила, – проговорил вполголоса предводитель, наклоняясь к земле и вынимая условленный знак, – вот она – железная метка, что я оставил тут утром.

– Может, всё же не стоит? – присоединилась к трусливой брюнетке осматривательная блондинка; она питала слабую надежду, что к ней прислушаются либо поддержат в неумном

желании – побыстрее покинуть то мрачное место. – Пойдёмте уже обратно... Поверьте, лично я наполнилась адреналином – уже!.. И в достаточной мере, и в огромном избытке.

– Не переживай, трусиха плаксивая, – обратилась к ней рыжая, участливо коснувшись плеча, – всё будет нормально.

Пока они рассуждали, провожатый достал из-за пазухи засаленный манускрипт. Тот напоминал холщовый листок и навевал замогильным холодом. Арсений опустил перед безымянной могилой на оба колена; он снова поднял правую руку кверху, призывая всех ко вниманию. Остальные последователи перестали шушукаться и застыли недвижно, в страхе и смятении дожидаясь потустороннего ритуала. И даже у (вроде бы?) стойкой Кристины кожа стянулась словно от холода; побежали предательские мурашки, а в следующую секунду почувствовалось, как сами по себе шевелятся огненно-рыжие волосы.

– Перед тем как прочесть старинный пергамент, составленный в далёкие времена таинственным магом и удачно добытый мною, по случаю, – заговорил озорной проказник неестественным, словно загробным, голосом, – хочу последний раз узнать у близких сподвижников, сопроводивших меня к месту захоронения безжалостного маньяка-убийцы... – на несколько секунд загадочно замолчал, а далее величаво возобновился: – Согласны ли они пройти весь путь до конца и вызвать на свет Божий – ТОГО! – кто наводил здесь дикий ужас всю вторую половину прошлого века?

– Я бы хотела... – попыталась протестовать белокурая Даша.

– Замолчи уже ты, наконец! – резко оборвала рыжеволосая бестия, перекрывая неуёмный роток шершавой ладошкой; по-видимому, она вознамерилась отличиться, и заслужить у сурового организатора особую, едва ли не королевскую благосклонность: – Мы все готовы – можешь «священный обряд» уже проводить.

– Хорошо, – согласился молодой человек и монотонно зачитал зловещие заклинания, содержавшие незнакомое российскому уху злое наречие; несколько раз там прозвучало: «... Ростовского потрошителя...»

Но вот магический заговор был закончен, а вокруг по-прежнему стояли «гробовая» тишь да унылый покой. Хотя они и казались излишне мрачными, но не нарушались ни земным, ни дьявольским звуком. Озадаченный «чародей» неторопливо поднялся. Он недоверчиво покручивал ветхий клочочек старинной рукописи, содержащей мистическое заклятье; неосмотрительный проказник словно не понимал: как (такое!) стало возможным и почему оно не работало?

– Ну вот, а ты, «дура-придура», боялась, – облегчённо вздохнула рыжая, внутренне не помнившая себя от суеверного ужаса, – ты как, не описалась?

Ответить вторая девушка не успела, так как общее внимание привлечлось необычным звуком, шедшим, словно откуда-то из дальнего подземелья.

– Вы это слышите? – спросила она остальных. – Как будто где-то чего-то шевелится?

Все стали внимательно вслушиваться, замерев так напряжённо, что слышалось, как стучат не по-детски испуганные сердца. И только Арсений загадочно и презрительно улыбался, как будто насмеялся над безотчётными страхами трусливых товарищей. Вдруг! Даша, напуганная не менее остальных, заметила, что верхний слой почвы, сгруженной приземистым бугорчком, вроде бы легонько зашевелился. А! Ведь он возвышался над могилой страшного, до жути жестокого, человека.

– Что это?! – вскричала она, задрожав всем восхитительным станом и указав на еле заметный холмик.

Теперь и другие, привлечённые ко вниманию, воочию разглядели, что земля, скрывающая одного из самых кровавых преступников, начинает делаться рыхлой; походило, как одновременно орудуют до тысячи трудолюбивых кротов. Постепенно жуткое явление становилось значительно интенсивнее; недра глубинные раскрывались, выворачивая наружу килограммы

земли, как будто маленьких «землероев» становилось всё больше и больше. Теперь и те, что пытались казаться стойкими, охватились нервной паникой, а стройные туловища заколотились безудержной дрожью; кровь же в жилах «заледедела», сковав молоденькие тела нервическим ступором. Тем временем врата в преисподнюю расступались всё явственнее, всё очевиднее, пока наверх не показалось некое подобие человека; оно удерживало большущий кухонный нож, широкий и длинный. То ли потусторонний посланец, то ли призрачное виденье? В любом случае он поднимался так медленно, как если бы плыл в невесомости – проникал сквозь пространство, не чувствуя ни силы тяжести, ни иных, известных науке, сопротивлений.

Как же исчадие ада выглядело? Угнетавшая фигура, одетая в балахон, и чёрный, и страшный, под накинутым капюшоном представлялась безликой и выказывала сплошную, въяве незримую, пустоту; нижними полами одеяние совсем не касалась верхнего слоя почвы – создавалось впечатление «парения в воздухе». Становилось непонятно: а, ступают ли ноги на брентную землю? Прилипший к одежде, грунт медленно осыпался вниз, как бывает в замедленной съёмке кошмарного фильма. На секунду потусторонний посланец застыл на месте, очевидно выбирая первую несчастную жертву... Даша, едва уличезрела неясное чудище, пронзительно вскрикнула – и... рухнула оземь; в ту же секунду она лишилась сознания. Остальные приятели, выведенные громким криком из состояния ступора, дико вереща и путаясь (ногами) в липкую грязь, бросились врассыпную; они старались скрываться подальше... все, за исключением озорного Арсения.

Чем же занимался в кошмарном случае он? Не успели малодушные спутники отдалиться на десять метров, как лукавый пройдоха, довольный удавшейся шуткой, презрительно рассмеялся. Безликое страшилище, до чёртиков напугавшее сбегавших товарищей, голосом Виктора (его родимого брата), срывая однотонную маску, шутливо окликнуло:

– Куда вы, тупые «опорунь»?! Это всего лишь «хэллоуинская» хохма!

Услышав знакомые интонации и без труда догадавшись, что их безжалостно разыграли, пугливые друзья хотя и не сразу, но всё же остановились. Недоверчиво оглядывались назад. Завидев смеющихся братьев, постепенно осознали, что попались на хитроумную выдумку; а значит, можно уж возвращаться назад и позволить чёрным «юмористам» в полной мере насладиться бездушным триумфом, «заслуженным» удовольствием. Ни у кого не вызывало теперь сомнения, почему при проведении потустороннего ритуала не оказалось шестого приятеля.

– Ну вы, остроумные братаны, глядишь, и даёте? – произнёс Константин, когда все вместе собрались и когда обступили двух недоразвитых хохмачей, тупоголовых придурков. – Даже я поверил в правдивость потусторонней истории.

– Но, – вставила рыжая девушка, – хотелось бы всё же узнать: как вы умудрились проделать всё так естественно и как получился ужасный эффект с землей, а следом с парением в воздухе?

– Нет ничего ни более ни менее сложного, – едва просмеявшись, охотливо разъяснил Арсений, – вы же ведь знаете, что братец мой, «наковыристый», является сторонником всяких изобретений, неожиданных спецэффектов. Вот он и додумался соорудить загадочное устройство, снабжённое пружинным, вверх поднимающим, механизмом; ещё оно способно и взрывать, и откидывать почву. Дышал он через обычную трубку, подводившую под землю уличный воз...

Договорить молодой озорник не успел, потому как прямо позади родного брата увидел (НЕЧТО!) такое, что полностью лишило природного дара речи. Так получилось, все остальные стояли к нему лицом и не видели, что происходит за личными спинами.

– Ладно... уже, – нашлась что с улыбкой промолвить Кристина, не оборачиваясь назад, – мы на ваши тупые шуточки ни разу больше не попадёмся, даже и не надейтесь.

Самонадеянная особа была неправа... Всем здесь присутствующим нужно было не просто бояться, а затрястись от несказанного ужаса: за спиной у Виктора возник кое-кто, навеявший замогильным холодом и заставивший испугаться не знавшего страха крутого Арсения. Невероятно! Позади второго проказника стоял мужчина пятидесятисемилетнего возраста, обладавший на редкость выразительным взглядом; он не излучал ни нормального сострадания, ни человеческой жалости, а лишь неистовое безумство да чувство скорой жестокой расправы, несшей с собою и крайнее наслаждение, и насказанное удовольствие.

Как же потусторонний посланник выглядел? Высокий, под два метра ростом, он имел худое телосложение, обладавшее жилистой, физически сильной, фигурой; лицо являлось продолговатым, обличающим умного человека, не лишённого хитрости; под квадратными очками, в обезумевшем взоре, не проглядывалось ничего, помимо непомерной жестокости да яростной кровожадности; частично облысевшая голова не выделялась значительной лопухостью, а сверху, с боков и сзади имела короткую, с годами поседевшую стрижку. Одетым он оказался (как и во время далёкого следствия) в поношенный чёрный костюм да клетчатую рубашку; она символизировала проходившие в восьмидесятом году Московские олимпийские игры. У любого нормального человека, хотя бы единожды улицезревшего Ростовского потрошителя, не оставалось бы и тени сомнения, что возникшим чудовищем является именно он. Тот явно не собрался просто лишь испугать, нет! Он собирался решительно шуровать, в чём моментально развеял любые, даже скептические, сомнения. Следующим движением из Витиной руки был выхвачен острый нож и по деревянную рукоятку вонзён (о, ужас!) в собственного хозяина.

Не дожидаясь, пока парень рухнет, сражённый, на голую землю, бездушный убийца поводит остриём клинка туда-сюда-обратно; как и раньше, он имитировал половое сношение. После десятого раза извлёк опасный предмет наружу и полоснул им по горлу рыжеволосой Кристины. От полной неожиданности та не успела даже понять, что же с ней в действительности, безвозвратного, приключилось. И здесь зловещий «душегубитель» не сильно разнообразил возвратно-поступательные движения; он резал шею, пока остриё не уперлось в плотную ткань девичьего позвоночника. Из повреждённых артерий багряным фонтаном хлынула кровь, обильно поливая и воскрешённого маньяка-убийцу, и порезанную дурнушку, и стоявших поблизости молодых людей. Те напрочь опешили и не смели сдвинуться с места. Недоумённая девушка как-то непривлекательно захрипела, пытаясь чего-то сказать, но, единственное, выдавила (буль... буль...) нечленораздельные изречения. Пораженный в области печени, Виктор оседал на хладную землю, но (дивное дело!) он всё ещё оставался живым и инстинктивно хватался за повреждённое место.

На них советский потрошитель особенно не заикливался, а поразил в заднюю часть бедра застывшего в ступоре безвольного Константина. Тот пронзительно заорал, как бы давая другим команду для быстрого бегства. Оставались Арсений и Ксюша, хоть как-то ещё способные к активным телодвижениям, – они стремглав устремились по разные стороны. Сметливый парень понёсся, как полагается, к выходу; ополоумевшая брюнетка сломя голову помчалась в глубинную неизвестность, в даль старинного кладбища. Ростовское чудовище, произнеся привычную фразу: «Нечего на меня смотреть!» – кончиком лезвия выковырял подраненному Косте глаза. В следующий миг помчался за более догадливым юношей. Нагнал потусторонний преследователь, когда струхнувший проказник садился в машину; на ней-то и прибыла вся нерадивая группа, сама же себя и приговорившая к мучительной смерти. Если бы (всегда вроде?) самоуверенные руки в тот крайний миг не дрожали и если бы своевременно вставился ключ в замок зажигания, недоумок, возможно, сумел бы, спасённый, уехать. Злая судьба распорядилась совсем по-иному... Как только он нащупал вставную личину, автомобильная дверь скрипя распахнулась, а мощные руки воскрешённого изверга извлекли нерадивого шутника наружу.

В далёком бесславном прошлом худощавый мужчина, вероятно бы, уступил и проиграл физический поединок выбранному спарринг-партнеру; сейчас же, снабжённый мистической энергетикой, легко завалил неразумного бедолагу на «мёртвую» землю. Удерживая рукою за молодое горло, ножовым остриём вырезал недавно наглые зенки. Не забывал он при том озлобленно приговаривать: «А ну-ка не смей на меня смотреть, поганый «ублюдок»!» Затем не менее сорока раз вонзил клинок в телесный корпус, совершая возвратно-поступательные движения. Из нанесённых ран не выходил какое-то время, как и при жизни компенсируя половую неполноценность. Странное дело, именно в «кровоавом соитии» он получил немалое наслаждение, а через некоторое время разрешился обильной эякуляцией. Отрезав у бездумного юноши, к тому моменту умершего, немаленький детородный орган, маниакальный губитель оставил его в качестве «живого» трофея. Затем устремился за чёрненькой девушкой, сбежавшей в глубину ночного погоста, и страшного, и кошмарного.

Настиг он её в крошечной темени, вообще потерявшуюся и трясущуюся от ужаса. Борьбы никакой не случилось, потому как Ксюша довелась до отрешенного состояния и приготовилась принять кровавую участь. На что она сумела отважиться? На одну предсмертную просьбу, произнесённую подрагивавшими губами:

– Пожалуйста, не надо, только не убивайте... я готова на любые фантазии, и сделаю всё, чего Вы не пожелаете...

Но! Мощный удар, нанесённый клинком в прекрасное личико, лишил любых надежд на удачное избавление; зато он вызвал нестерпимую боль, от которой вырвался пронзительный, ни с чем не сравнимый, вопль. Не сильно изобилуя в извращённых фантазиях, бесчеловечный маньяк-убийца оставил Ксюшу без зрения; из глазниц он напился свежей девичьей крови, а следом изрезал красивое тело, имитируя кровожадное половое сношение. Затем откусил соски, не позабыл про милые губы, а дальше всё вместе сожрал. Прямо тут же, у бездыханного трупа.

Однако! То не был конец безумному зверству: воскрешённый садюга отправился к обездвиженным жертвам – имел намерение довершить незаконченное убийство. Раненный в ногу да лишённый бинокулярного зрения, Константин, в отличии от умиравшего Виктора, привлёк внимание потустороннего изверга гораздо попристальнее; незрячий парень ползал возле развернутого пути и, вода перед собою руками, изливался жалобным стоном:

– Спасите – ради всего святого! – хоть кто-нибудь... помогите.

Сатана (и такое прозвище закрепилось за жутким убийцей) молчаливо приблизился. Минуту постоял – к чему-то примерился. Раз! Вонзил широкое лезвие в безвольное тело и начал такать, тыкать и тыкать. Он специально выбирал, чтобы не оказались задетыми жизненно важные органы. Далее, совершая омерзительные воздействия, маниакальный мучитель методично погружал остроконечное остриё, затем водил им и взад и вперёд, пока отверстие не становилось не в меру расширенным и больше не ощущалось сопротивления костных и мышечных тканей. Так повторялось и снова, и снова, покуда исполосованный страдалец совсем не ослаб и покуда он не погрузился в предсмертное состояние бесчувственной отрешённости. Последовало привычное отделение мужских гениталий, но изверг-садист не оставил их злоецим трофеем; нет, он воткнул их умершему Виктору в ротовое отверстие, не замедлив (очевидно, для верности?) медленными движениями отпилить бездумную голову.

Если вспомнить, была ещё одна потенциальная жертва; она до сих пор оставалась живой и, потерявшая от испуга сознание, лежала неподалёку. Даша находилась у жутковатой могилы, открывшейся не без помощи полоумных, крайне беспечных, приятелей; она распласталась, залитая кровью товарищей, и не подавала ни малых признаков жизни. Обмануть потустороннюю сущность навряд ли бы получилось. Поводив чувствительными ноздрями и уловив одному ему ведомый воздушный поток, чудовищный призрак приблизился к бесчувственно лежавшей неотразимой красавице. Остановившись немного поодаль, садистский убийца в молчании замер; он находился в тупой нерешительности, что же ему поделать?

Слава Богу! В тот сомнительный миг земли коснулись первые блики приближавшегося рассвета; они возвещали, что время, предназначенное для мёртвых, подходит к логичному окончанию, и заставили загробного посланца утратить потустороннюю силу – превратиться в человека обычного, от других ничем не отличного. Воскресший душегубец вдруг сделался простым обывателем и поплелся от ужасного места прочь, прекрасно понимая, что тёмная сила, данная на ночь, на время иссякла; а значит, пока он не в состоянии ни тиранить, ни убивать, ни зверски насиловать.

Выжившая блондинка очнулась с первым лучом – едва он опустился на грешную землю. Узрев, какой избежала невиданной мясорубки, чуть снова не лишилась сознания. Ей было совсем невдомёк: она потому и осталась жива, что бешенный «зверь» удовольствовался именно от прямого созерцания страждущих жертв; безвольное же тело оказалось неинтересно – не вызывало сексуальных влечений, манящих и заводивших.

Сам безжалостный изверг, известный как потрошитель, обрётся превращаться в ужасного монстра и каждую ночь ходить по земле – разыскивать безответственных бедолаг, безнадежно увлекаемых к жестоким страданиям. Но главное! Требовалось найти одну белокурую красавицу, выжившую при обрядовом воскрешении и избежавшую мгновенного умерщвления. Как и всех остальных, её нужно подвергнуть нечеловеческим мукам.

Глава I. Отъезд

Шалуева Дарья добралась до дома к семи утра. До сих пор не верилось, что она избежала небывалого кровавого месива; её трясло, лихорадило и не раз выворачивало наружу. Если коснуться девичей личности, особенно выделяются следующие моменты: недавно достигла восемнадцати лет; только-только закончила среднюю школу, но как строить взрослую жизнь пока ещё не решила; по характеру (как удалось убедиться) была трусовата, но не лишалась рассудительной мысли (в экстренной ситуации могла «собраться» и показать чудеса решительных действий); обладала завидной доброжелательностью, неиссякаемым красноречием, преданным благородством, терпимой вежливостью, предусмотрительной прозорливостью; отличалась способностью к общей организации. Внешностью зеленоглазая блондинка выдалась едва не божественной: великолепные формы восхищавшие не только молодежь сверстников, но и более зрелых мужчин; высокий рост отмечался несравненной фигурой и стройными ножками; продолговатая мордашка не видела равных и украшалась длинными, загнутыми кверху ресницами; маленький, как пуговка, носик, удачно гармонировал с чувственными губами (верхняя казалась капризно вздёрнутой); ровные уши чуть оттопыривались, но успешно скрывались за белокурыми волосами, роскошными и кудрявыми (они спускались пониже миленьких плеч). Одевалась Даша сообразно осенней погоде и выделялась дорогостоящим одеянием: чёрной кожаной курткой, отличавшейся различными клёпками, молниями, другими аксессуарами; синими, модно потёртыми джинсами; фирменными кроссовками, представленными заграничной компанией «Nike»; дамской сумочкой – неизменной спутницей каждой достойной женщины.

Сегодня изумрудные глаза горели недетским испугом, шикарная причёска совсем растрепалась; она шла и с осторожностью озиралась по сторонам, ежеминутно ожидая внезапного нападения. Жила белокурая девушка в уважаемом частном особняке, построенном на окраине города. Идти ей было недалеко: кладбище располагалось как раз на нужной новочеркасской окраине. Даша подождала, когда оба родителя уедут из дома. Поспешно проследовала вовнутрь, где сразу отправилась в ванную и заперлась примерно на час. Стоило большого труда придать себе уравновешенный вид и принять важное, судьбоносное для неё, решение. Перепуганная блондинка ни за что не хотела оставаться в одном городе с таинственной неизвестностью, убиравшей беспечных друзей: их «коротенькие пути» смогли бы пересечься в любое мгновение. Встряхнув головой, как скидывают тупые сомнения, решившаяся красавица прошла в свою комнату, где стала паковать носимые вещи и личные принадлежности; она засобиравшись в дальнюю и длительную дорогу. В течении пары часов до отказа заполнилась вместительная сумка на колесиках, но она подумывала: «Взяла покамест не всё, что сможет понадобиться». Перепуганная особа забила в довесок и школьный рюкзак; он перехватывался лямками через плечи. Теперь, по субъективному мнению, молодая блондинка считалась готовой, и ничто не стеснило бы её в предметах быта, косметики, а также одежды.

Являясь совершеннолетней, Даша заранее прикупила дорожный билет; он являлся пропуском на ночной состав, следовавший напрямиком до Москвы. Осталось дожидаться родителей, чтобы поставить перед сложившимся фактом. Оба они достигли среднего возраста, хотя мужчина был старше на неполных шесть лет. Имея приблизительно одинаковый рост, различались телесной комплекцией. Иван Ильич, в силу прожитых лет, незначительно располнел, представляя солидного, но и не толстого человека. Мария Игоревна сохранила женственную фигуру, дарованную от молодости, – она выглядела, ну! просто великолепно. И тот и другая считались людьми успешными и занимали влиятельные должности в крупных финансовых фирмах; соответственно, домой возвращались после семи часов, заранее запасаясь ужином в каком-нибудь ресторане. Так произошло и сегодня, но несведущие родители не знали ещё о Дашиной воль-

ности, подразумевавшей их скорое расставание. Едва они вошли во внутренний холл, просторный и фешенебельный, деловитая дочка, сидевшая на удобном, оббитом кожей, диване, тут же и огорошила:

– Мам, пап!.. – началá она без длительных предисловий. – Я уезжаю в Москву, к тете Ире. Похожу пока на подготовительные курсы, а на следующий год поступлю в любое, доступное для меня... какое-нибудь из театральных училищ. Я всё обдумала – и решение моё непреклонно. Меня до станции кто-то подбросит? Не то давно уж спустился глубокий вечер, и молоденькой девушке страшновато ходить, одной, по непроглядной уличной темени.

– Ты у нас взрослая, – возразил ей Иван Ильич, лишь усмехнувшись на дочкино поведение; он давно уже ожидал чего-то подобного, – идеи выдвигаешь сама – вот сама и реализуй их в полном объёме! Собралась в Москву... никого не спросила? И до вокзала прогуляешься пешим шагом, без посторонней помощи; думаю, не заблудишься.

Блондинке с изумрудными глазками страсть как не терпелось поделиться с родимыми «предками», что произошло с ней нынешней ночью; но она и сама-то до конца уже ни во что не верила, а считала какой-то зловещей мистификацией. А чего бы сказали рассудительные родители?! В любом случае мнения «побыстрее свалить» ни за что бы не поменяла, прекрасно понимая, что только так избавится от чудовищных наваждений. Причина весомая, и белокурая красотка не посчитала нужным рассказывать об их ночном приключении; она справедливо предположила, что либо ей попросту не поверят, либо (что несколько не лучше!) полицию вызовут. Дознаваясь до истины, обязательно выставят виноватой её; но может случиться гораздо хуже... поместят в психиатрическую лечебницу или поставят на смех. Что!.. Для молоденькой барышни считалось неприятнее, чем жуткая прогулка к железнодорожной станции. Всего и «делов-то»: по пути ей нужно миновать лишь небольшую рощицу. Шалúева надеялась проскочить её за семь, максимум восемь, минут. Время незначительное и, по ее наивному убеждению, с ней вряд ли бы чего-то случилось.

До поезда оставался примерно час. Предупредительная красавица, предполагая нечто подобное, заранее приняла охлаждающий душ (окончательно смыла страх и сомнения), плотно перекусила и могла теперь выдвигаться. В ходе прощания сердобольная мама пустила скупую слезу; она отлично понимала, что будет видеться с любимой дочкой очень и очень редко. Даже попробовала убедить главу семейства отвести милую девушку к поезду, но Иван Ильич остался полностью непреклонен.

– Раз считает себя достаточно взрослой, – сказал он в последнем слове, провожая Дашу к домашним дверям, – что сама способна распоряжаться личной судьбой, а родителей просто-напросто ставить в известность, так пусть самолично и достигает намеченных целей. Ну, а для начала пёхом прогуляется до вокзала.

Вот так зеленоглазая блондинка оказалась на тёмной улице одна-одинёшенька, одетая в обычное одеяние, с маленькой дамской сумочкой, школьным рюкзаком за миленькими плечами да огромной сумой на колесиках. Пока она двигалась городской чертой, где существует приличное освещение, Шалúева чувствовала себя уверенно и не помышляла о внутреннем страхе. Но вот! Путь её подошёл к затемнённой березовой роще, где в половине восьмого вечера (первого ноября) стояла кромешная темнота. Дашино сердце бешено колотилось. Она остановилась, не решаясь шагнуть в пугающее пространство: девичья интуиция подсказывала о непременном присутствии некой враждебной сущности. Минуты шли одна за другой; время натягивалось; до поезда оставалось вовсе недолго, а если быть точным, не более чем сорок минут.

Дарья не считалась героически смелой, поэтому стала подумывать о полном провале сумасбродной затеи. Струхнувшая блондинка разумно предположила, что не осилит лесистый участок, оказавшийся непреодолимо пугавшим барьером. Действительно, шелестом веток, скрипом стволов и прочими странными звуками он способен был напугать кого угодно, и вовсе

не робкого человека. Блондинка с изумрудными глазками таковой не являлась; она совсем уж задумалась «плюнуть» да возвращаться обратно, поближе к родимому дому (где уютно, тепло и спокойно), как (вдруг!)... услышала сзади отчётливую, до «коликов» в животе пугавшую, поступь. Почему-то показалось, что приближавшийся человек – это тот страшный, воскресший из мёртвых, покойник, который нынешней ночью перебил всех бедных друзей. В похожих ситуациях людские страхи существенно обостряются и явственно осознаётся вся серьёзность безвыходной ситуации. «Я ведь единственная, кого ещё не убили...» – пульсировавшим импульсом промелькнуло зловещее размышление.

Очаровательная особа напугалась до высшей степени; она впала в панический ступор и не смела ни кричать, ни повернуться назад, ни просто пошевелиться. Так она и стояла, тупо и дожидаясь неминуемой гибели. Внезапно! В двух шагах раздался ободрявший голос Пети Игумнова, бывшего одноклассника:

– Шалёва, ты чего застыла как часовой у кремлёвских курантов? Наверное, как всегда, перетрусилась и не можешь преодолеть лесную преграду? Положись на меня – я вмиг проведу, и никто, поверь, к тебе не пристанет!

Невозможно себе представить, как Даша обрадовалась, услышав умственно отсталого паренька. Они проучились вместе аж до девятого класса, когда тот с трудом закончил общеобразовательный курс обучения. Касаясь непривлекательной внешности, он не выделялся высоким ростом, зато обладал немаленькой силой; лицо не выглядело красивым, хотя и не очень отталкивало (имело особую притягательность, выраженную бездонными зенками, большими и карими); волевые скулы, выпиравший, словно рубильник, нос, зауженная физиономия, тонкие, но широкие губы заканчивали общий портрет. Одеться он соизволил в утеплённый костюм спортивного типа. И именно ничем не примечательная личность и вызвала радостные эмоции у окончательно перетрусившей девушки; а ведь она совсем уже засобиралась распрощаться с несостоявшейся жизнью.

– А-а... Игумнов, – сказала блондинка с изумрудными глазками, стараясь слышаться твёрдой, – это ты? – и вновь она не показала, что чего-то боится, а на ходу придумала правдоподобную, не вызывавшую сомнений, причину: – Нет, ты неправ... В действительности я встала здесь отдохнуть. Видишь: какой чемодан тяжёлый? Я его еле пруну... и никого я вовсе не испугалась. Впрочем?... Если немного проводишь, сможешь донести нелёгкие вещи, то признательность моя не познает осмысленных граней, условных ограничений. Так что... Петя, – сообразительная красавица вдруг посчитала, что именно обращение придаст туповатому собеседнику побольше личного веса, – сопроводишь меня через лесочек до станции?

– Без малых проблем! – воскликнул беззастенчивый юноша, озаряясь счастливой улыбкой. – Нисколько не напряжёт, тем более что всё одно мне необходимо проследовать в станцию Кривянская. Кстати, а чего ты не хочешь обойти лесную посадку по улице, по Вокзальной?

«Ага, «блин»?.. Она всё равно примыкает к лесистому парку, и, как не старайся, придётся держаться опасной зоны. Получается, зловещее место всегда будет рядом – уж лучше пройти его напрямую, чем обходить по длинному кругу», – подумала Шалёва, вслух же она ответила:

– Я уже, кажется, говорила, что ничего не боюсь! Просто... у меня объёмные вещи – вот мне и приспичило встать здесь немножечко отдохнуть, чтобы набраться сил и следовать дальше. Так ты мне сможешь? Или позволишь слабенькой девушке тащить массивные сумки единолично?

– Пошли, – с готовностью согласился Игумнов, перехватив у состоявшейся спутницы тяжёлую сумку с ручкой, и на колёсиках.

Рюкзак, содержащий сугубо личные вещи, и дамскую сумочку, с аксессуарами и косметикой, блондинка, обладавшая изумрудными глазками, оставила при себе; она разумно предположила, что ежели те и обременят, то вовсе не сильно (одиннадцать лет таскала ранец, под завязку набитый учебниками, что вразрез не шло с девчачьими «тряпками»). Распреде-

лив прямые обязанности, переносимые вещи, разнополая парочка, состоявшая из ослепительной дамочки и неказистого, умственно отсталого, шкёта, последовала по асфальтированной тропинке. Они шли, вспоминая школьные годы. Как оказалось, Петя ещё в девятом классе испытывал к Даше нечто, похожее на тёплые чувства, – неразделённую юношескую любовь. Шалúева, от неожиданного признания, ощутила приятную негу: она слыла невероятно красивой, отлично знала себе реальную цену, но всегда умилялась, когда её восхваляли (хоть скрыто, хоть явно).

Непринуждённо беседуя, они прошли до половины аллеи и приблизились к детской площадке. Неподальёку располагались и игровые залы, к тому моменту, конечно, закрытые. Зеленоглазая блондинка шла впереди. Петр, нагруженный дорожной сумой, плёлся чуть позади, немного поодаль, отстав шагов на четыре (возможно, на пять?).

– Послушай, Игúмнов, – промолвила Даша, объятая счастливым воспоминанием детства, – а помнишь, как мы «химичку» тогда разыграли?..

Ответ подтверждающий не последовал, а раздался неприятный, противно хлюпнувший, звук; напоминал он раздираемую плоть и хрустевшие кóсти. Неприкрытую спину сковало холодным ужасом, и побежали многотысячные мурашки. Кое-как (непонятно?) она нашла в себе силы – и... резко оборотилась назад! Она намеревалась лично удостовериться, что именно приключилось (хотя, по правде, давно уже догадалась). Что же бедная Дарья, к несчастью, увидела? В сопровождавшего юношу, в неразумную голову, прямо у правого уха, был воткнут огромный кухонный нож, а рядом стоял (ТОТ!) страшный мужчина, получивший зловещее прозвище Ростовского потрошителя. Из-под квадратных очков ненавистью «горели» безжалостные глаза – давали полное основание полагать, что милосердной пощады навряд ли дождёшься и что вымолить её никак не получится. Он больше не выковыривал пацанские очи, а наносил, один за одним, удары в башку, превращая её во что-то несуразно уродливое. Дивное дело, Шалúева осталась в сознании, единственное, слегка закружилась зачумлённая голова. «Ну его, «на хер», со всеми вещами! – подумала про себя и бросилась наутёк, побежала к городскому вокзалу. – Хорошо ещё, сообразила обуться в «найковские» кроссовки, а не, скажем, в высокие туфли».

Пока она по-быстрому семенила, сзади происходила невиданная картина... Измочалив Петину внешность и превратив её в сплошное кровавое месиво, Ростовское чудище повалило безвольное тело на бrenную землю. Оно трепыхалось в предсмертных судорогах, но всё ещё методично тиранилось острым ножом; тот вводился вовнутрь, ненадолго там оставался и делал возвратно-поступательные движения, имитировавшие половое сношение. Как только новая ранка существенно расширялась, маниакальный выродок перемещал кухонное орудие в другое отверстие. Так продолжалось минут чуть более десяти. Ростовский потрошитель действовал на удивление аккуратно, и совсем не испачкался истекáвшей кровью. Закончилось всё не раньше, чем он извлёк детородный орган и разрешился обильной эякуляцией. Именно она и являлась основной целью безжалостного насильника; по сути, он слыл законченным импотентом и не мог вступать в нормальные половые акты – получал возбуждённое наслаждение только при виде чужих страданий, несоразмерных мучений. Пока он необычно «совокуплялся», у Даши получилось набрать приличную скорость и увеличить безопасное расстояние, практически приблизившись к стационарному зданию.

Слышался шум подходившего поезда, гудком возвещавшим о медленном приближении. Блондинка с изумрудными глазками дрожала от жуткого страха, готовая вот-вот лишиться сознания, но стойко держалась; она успокаивалась, что человеческий монстр вроде пока не гонится. «Может, решил оставить меня в покое?» – думала струхнувшая девушка, не зная основную цель безудержного маньяка. Какую? Убийство за-ради сексуальной удовлетворенности, априори кровавого удовольствия. Пока он мерзко блаженствовал, появилось необходимое время, для того чтобы всё обдумать и хоть немного восстановить душевные силы. Последнее

условие давалось довольно плохо: нервная дрожь колотила, ну! просто безжалостно; безостановочно выбивалась зубная дробь; нежная кожа сжалась то ли от ноябрьского холода, то ли от суеверного страха (что более вероятно!); несравненные ноги готовились предательски подкоситься.

Шалуева постоянно оглядывалась по всем сторонам – больше в парковую посадку; она мысленно подгоняла неспешный локомотив, чтобы уж поскорее оказаться в вагоне да избавиться от неестественного преследования, потустороннего и мистического. Жалости, без сомнения, потом не дождёшься! Но урчавший поезд, словно специально, ехал не торопясь, замедляясь перед остановочной станцией. В то же мгновение на краю лесопарковой зоны заблестели квадратные стекляшки очков; те однозначно вещали, что воскрешённый покойник-монстр стремится в безудержную погоню. Уф! Подошёл долгожданный состав – поезд проходящий, на остановку отводится не больше минуты. Он позволил несчастной красавице запрыгнуть в относительно безопасный вагон, а усердным проводникам поплотнее закрыть входные отверстия, запрещая безбилетным пассажирам просачиваться во внутреннее пространство. Пока новоявленная пассажирка удостоверяла правомочный проезд, приблизился странноватый мужчина; внешним видом и лицевым выражением он походил на дикого зверя, а вовсе не на нормальное людское создание. Дарья, оставаясь в приёмном тамбуре, случайно выглянула в дверное окошко... Она едва не поперхнулась от страха: ей представилось перекошенное лицо, злобное и безумное; из-под больших очков горели остекленевшие зенки, бешенные и гневные, не знавшие гуманного милосердия.

Глава II. Первая вылазка

Следует обратить внимание на некоторые особенности лица, прозванного в правоохранительных структурах Ростовским чудовищем. С наступлением ночи, а вернее тёмного времени суток, он подвергался воздействию магических сил – превращался в бездушного потрошителя, обладавшего неведомой силой; он становился способным, голыми руками, разрывать здоровых людей на мелкие части. Однако нужно-то ему было нечто совсем иное: с помощью кухонного ножа и жутких мучений, маниакальный изверг удовлетворялся в сексуальном влечении (по экспертному заключению обходиться естественным путём у больного выродка никак бы не получилось). Была и ещё одна неслыханная способность: в любой ситуации им не утрачивался личный контроль, а каждое действие производилось осознанно, не выпуская из виду пространственной обстановки. С появлением первых лучей демонические энергии оставляли могучее тело и уходили обратно, в потустороннюю преисподнюю; тот становился простым обывателем и превращался в обыкновенного человека, лишённого зловещих наклонностей. На ясный день приобретался осознанный облик, и он мог общаться рассудительно, здраво, нормально, не вызывая ни маленьких подозрений. Жестокий монстр казался солидным, классически ухоженным, горожанином, окончившим не единственное высшее учебное заведение.

На следующий день, несмотря на отсутствие мистических сил, Ростовского потрошителя не оставляла неодолимая неуверенность; она подталкивала в срочном порядке выдвигаться в столицу. Целый день провёлся в бесцельных догадках. Он несколько раз порывался купить себе право единой поездки; но... без личностных документов, под честное слово, билеты на проезжавшие поезда, увы, не давали. Так он и бродил, неприкаянный, до самого вечера. Когда неяркое осеннее солнце склонилось к закату, непонятный прохожий, измученный и усталый, присел на привокзальную лавочку; она специально устанавливалась на ровном перроне и располагалась поблизости от центрального здания. На ней уже посиживал бомжеватый мужчина и смачно прихлёбывал дешёвый портвейн. Он явно являлся местным, точнее, обитал в районе станции, бичуя в каком-нибудь ближайшем подвале. Общественный отщепенец разжился удачной выпивкой и, не желая делиться с товарищами, проживающими совместно, пристроился спокойно на лавочке.

Когда подсел загадочный незнакомец, тот недоверчиво его оглядел. Он как бы соображал: «Не придётся ли его потчевать тоже?». Социальный отброс давно научился разбираться в людях, склонных употреблять, поэтому, успокоенный, заключил, что если странноватого типа чего-то интересует, то, уж точно, не простенький «портвешочек». Поэтому местный пьянчужка отнёсся к нему довольно доброжелательно; он даже попытался завести незадачливую беседу:

– Ты кто такой, «дядя»?.. Поезда, что ли, ждёшь или по прочей надобности?

Маниакальный убийца не знал, что следует отвечать. Прошло добрые тридцать лет; он разом очутился в двадцать первом столетии, всему удивлялся и не мог оценивать современную обстановку сообразно, кругом адекватно. Первостепенное, о чём ему думалось, как орудовать дальше, а главное, как, не имея убедительных документов, переместиться в Москву. Бомжеватый собеседник тем временем продолжал, считая, что его внимательно слушают.

– Ты, парень, какой-то, вроде бы не нормальный – может, больной или всё-таки выпить хочешь?

Последнее предположение болезненно отозвалось в помутнённом мозгу, но не высказаться оно не могло, пользуясь общепринятыми правилами приличия. Неизвестный оценил добродушного выпивоху недоверчивым взглядом, но вновь ничего не ответил; зато он придвинулся чуточку ближе.

Почти в то же время оперативная группа приехала осматривать труп Пети Игумнова, изуродованный до полной неузнаваемости. Хотя он и оттащился Ростовским потрошителем подальше от асфальтированной дорожки, но к вечеру был обнаружен гулявшими по парку пронырливыми детишками. Среди дежурных сотрудников, выехавших на страшное происшествие, находился старослужащий подполковник; начинал он с «девяностых» прошлого века. Седовласый мужчина, давно разменявший пятидесятипятiletний отрезок, он выглядел подтянуто, стройно, имел невысокий рост и отличался коренастой фигурой; колючие, пытливо въедливые, глаза говорили о наличии недюжинного ума, способности к аналитическим размышлениям; острый, с едва заметной горбинкой, нос увенчивался густыми усами, слегка поседевшими. Звали его Рыковым Николаем Геннадьевичем, и он исполнял обязанности начальника участковых уполномоченных. Как опытный полицейский, именно он, увидев труп растерзанного парнишки (сопоставив раны и отдельные факты), вспомнил старое дело, где в похожей точности тиранил местный маньяк-убийца; его не сумели вычислить долгие годы.

– Виктория Александровна, я вижу все признаки Ростовского потрошителя, – сказал он молоденькой девушке-следователю, старшему лейтенанту юстиции, по фамилии Гринева (она едва достигла двадцати пяти лет, не представлялась высоким ростом, оделась в форменную одежду и как раз заполняла описательный протокол). – Удивительно?! Его расстреляли в 1994 году и в глубокой тайне похоронили на одном из заброшенных кладбищ – практически у меня на глазах.

– И чего теперь делать? – недоумевала вторая сотрудница; ей не терпелось побыстрее разделаться со страшным осмотром и выдвинуть хоть какую-то правдоподобную версию. – Мне что, теперь докладывать, будто у нас объявился покойный подозреваемый?

– Конечно же, нет, – посчитав озвученные вопросы предвзятой насмешкой, неприветливо усмехнулся оговоренный подполковник, – но есть немалая вероятность, что – НЕКТО! – изучил давнишние методы и полностью копирует типичные жестокие признаки.

– Смотрите!.. – воскликнул молодой участковый, младший лейтенант, только-только поступивший на полицейскую службу; звали его Козеев Сергей Николаевич, – здесь чья-то дорожная сумка, под завязку забитая женскими шмотками!

– Неси-ка её сюда!.. Срочно! – приказал Николай Геннадьевич.

Провели подробный осмотр переносимой поклажи, имевшей ручку и маленькие колесики. По характерным признакам и домовому опросу успешно установили, что принадлежит она Шалуевой Дарье, дочери достойных родителей; они проживали практически рядом, меньше чем в километре. Сразу возникло три версии: либо она убита и необходимо искать ещё один изувеченный труп, либо сама является тем пресловутым имитатором-подражателем, либо – обыкновенным случайным свидетелем. Сомнительный поворот (в части второй) казался невероятным, но маленькая возможность нисколько не исключалась. С добросовестной отработкой был выслан участковый Козеев. Он не замедлил броситься исполнять порученное задание.

К тому моменту совсем уж стемнело и на вокзале разворачивались совсем иные события. Как только лучистое солнце укрылось за горизонтом, Ростовский потрошитель полез в имевшийся при нём обычный портфельчик и достал наружу кухонный ножик.

– Эй, парень? – выпучил бомжеватый мужчина большие глаза, начиная отодвигаться на лавочный край, подальше от полоумного незнакомца. – Ты чего, шутить, что ли, вздумал? Давай, давай заканчивай, я вроде ничего плохого тебе не делал?

Яростный взгляд, перекошенное злое лицо и очевидность намерений не вызывали сомнений, что задумки, посетившие буйную голову, являются воистину ярыми. Действительно, сосед по лавке долговременно не раздумывал, а встав в устойчивую позицию, развернулся гневной физиономией к выбранной жертве и всадил в ошеломлённую рожу длинное лезвие; он рассёк небритую кожу и пробил скуловую кость аккуратно возле носа, но чуточку справа.

Последовали возвратно-поступательные движения, пока лицевая рана не стала свободной, а скользкий нож не потерял тугое сопротивление. Правый глаз, естественно, вытек, а следующий удар производился прямым направлением в левый. Поерзав в мозговом веществе, новочеркасское чудище методично затыкало клинком в разные части тела, не вынимая сразу, пока не случилось долгожданной эякуляции. Наконец он смог успокоиться и вытер окровавленный ножик об умершего мужчину. Как упоминалось, даже подверженный демоническим силам, он не терял мыслительной ясности, способности здравого рассуждения, – и именно та значимая особенность заставила осмотреть карманы убитого человека. Ему посчастливилось. Умерщвлённый «бомжик» носил с собою все личные документы: паспорт, на имя Чурилова Антона, по отчеству Ксенофоновича, трудовая книжка, вообще не имевшая отрицательных записей, и специальный диплом «об окончании строительного техникума», полученный ещё в период советского времени.

– Ну что же, Чурилов так Чурилов, – вслух произнёс ухмыльнувшийся изувер, накануне восставший из мёртвых, – и фамилия вроде похожая. Ладно, особенно выбирать не приходится – в создавшейся ситуации всецело подходит.

Забрав «заимствованные» свидетельства и пользуясь помощью мистических сил, он переправил в паспорте наличную фотографию – привёл его в полное соответствие с нынешней личностью. Новоявленный Антон Ксенофонович сложил документы в карман пиджака. С удовольствием вырезал «бомжовскую» печень, не забывая отвратительно комментировать: «Я целый день ничего не ел, изголодался совсем не на шутку и просто обязан утолить нечеловеческий голод, что жутко терзает внутри. В былые времена, помню, мне нравилось поедать питательные части людских организмов». Методично работая острозаточенным лезвием, он извлёк, по субъективному мнению, наиболее вкусный кусок и, не задумываясь, впилсь в него гнилыми зубищами. Тьфу! Ему совсем не понравилась «циррозная» печень. Он тотчас избавился от откушенного ломтя и выплюнул его подальше в сторонку. «Давай-ка лучше попробуем почки», – продолжил он ужасные рассуждения, кромсая безвольное тело. Стучалась та же история, что и с первым надкушенным органом. По вкусу Ростовскому чудищу пришлось лишь пропитбё, изрядно одряхлевшее, сердце. Насытившись и озарившись самодовольной улыбкой, он спрятал длинненький ножичек обратно в портфель, а смердящий труп откинул назад, под железнодорожный откос, прямо за лавку. Тот беспрепятственно скатился до низу, а крошечная тьма, разрезаемая лишь привокзальными фонарями, надёжно сокрыла невероятное преступление.

Через некоторое время подошёл московский состав, и Чурилов направился к одному из открытых вагонов. Помимо него, не садился ни один человек, а у спускного приступка стояла безмолвная проводница. Немолодая женщина, она давно уж не хвасталась былой красотой и отличалась непривлекательными чертами: сорокавосемилетним возрастом, казавшимся значительно старше; при среднем росте, тучной фигурой; заплывшими веками, наполовину скрывавшими усталые очи; пышными щеками, «по-хомячьи» свисавшими книзу; почти сравнявшимся носом и выпяченными губами; сальными рыжими локонами. Было очевидно, что служба ей даётся с немалым трудом. Проездные билеты она проверяет так, не покидая подвижный состав, а когда единственный пассажир поднялся в вагонный тамбур. Обстоятельство Ростовскому потрошителю крайне выгодное! Он избежал неприятных объяснений на улице: обилетиться так и не посчастливилось, потому что вокзал работает до девятнадцати часов пятидесяти минут, а он закончил с бездомным гораздо позднее вечерних восьми. Неброская женщина оделась в служебное одеяние; оно несуразно сидело на совсем непривлекательных телесах, обвисших и некрасивых, и выделялось отличительным «бейджиком». На нём отчётливо значилось: «Проводник поезда Смирнова Елена Валерьевна».

– Ваш билетик? – обратилась та к странному пассажиру...

Поначалу, ещё до момента, как задавать обычный вопрос, она не сразу занялась проверкой проездных документов, а прежде вознамерилась разобраться с прямыми обязанностями: во-первых, опустила заслонку на подъёмную лестницу; во-вторых, поплотнее закрыла входную дверь; в-третьих, просто-напросто её заперла. Она не обращала никакого внимания на возвращенного человека, заговаривая чисто машинально, по верной, давно уж выработанной, привычке. В обыденной ситуации, когда она заканчивала с положенной процедурой, ей протягивали запрашиваемый билет. Поэтому Смирнова особо не заморачивалась, предполагая, что едва повернётся, то тут же со всем разберётся. Тем более что краем глаза она отметила, как поднявшийся незнакомец засунул руку в портфель и продолжает её удерживать – очевидно, отыскивал, что было необходимо?

Как только грузная проводница со всеми делами неторопливо разделалась и, повторившись: «Ваш билетик?» – повернулась назад, странноватый гражданин всё ещё оставлял ладонь внутри «сопутственной» клади (не извлекал её почему-то наружу?). Опытной путеводительнице, повидавшей немало всяких людишек, непонятливых, да лихих, да попросту глупых, человек тот показался не то что бы необычным, но (каким-то!) излучавшим собою страшную, едва не чудовищную опасность; полубезумный взгляд дал повод основательно призадуматься, что ожидать теперь можно всего, и самого худшего. У испуганной женщины самопроизвольно похолодело внутри, как будто специально напустили ужасного холода. Она попятилась взад, но (как и следовало ожидать) упёрлась в прочную, метала-дверную преграду.

– Не надо... – безотчетно поняла та суть намерений Ростовского потрошителя, тем более что сразу его узнала (она была местной и, когда его судили, ей было лет достаточно, чтобы запомнить того маниакального выродка), – не убивайте меня, пожалуйста... Я пропущу Вас бесплатно.

– Ты думаешь, – зарычал восставший губитель; он выдавал интонации, больше напоминавшие замогильные отголоски, ниспосланные из самой, из дьявольской преисподней, – что меня интересуют твои предсмертные одолжения или что я изначально собирался оплачивать попутный проезд? Вижу, ты меня помнишь, а значит, должна понимать, что человеческие тела меня интересуют постольку, поскольку являются материалом для очередного кровавого месива да полового эксперимента.

– Я отдамся тебе добровольно... без бессмысленного насилия, – продолжала лепетать испуганная Смирнова, надеясь... сама не зная на что.

– Во-первых, я уже «сыт», – зловеще промолвил маниакальный убийца, медленно извлекающая из портфеля кухонный нож и (тут же!) вонзил его в полное тело, чуть повыше женского органа.

Дальше пошла идентичная процедура «нанесения множественных ранений», но при отсутствии возвратно-поступательных имитаций. Ростовский потрошитель получал «простое удовольствие», когда созерцал несоразмерные муки; им-то и подвергалась ни в чём не повинная проводница. После трёх первых пырков она рухнула на оба колена, и новоявленному Чурилову пришлось придерживать за рыжую голову, чтобы она не упала совсем; сам же он нагнулся чуть ниже – и бил, и бил, и бил, заливая жертвенной кровью полы, да и всё, чего бы не попадалось вокруг. Воскресший садюга уже не соблюдал привычную осторожность, когда (ещё во время первичного бытия), отбирая людские жизни, он стремился быть аккуратным, всегда ограждаясь, чтоб (пусть и случайно) не запачкаться вообще. Через пять минут осатанелого буйства работница РЖД перестала хоть что-либо чувствовать, потому как она уже умерла. А! Дьявольский посланник никак не мог погасить тот жуткий огонь, что терзал его изнутри и что требовал непременно созерцания невыносимых страданий. Смирнова ничего не чувствовала, а кровавая алчность удовлетворилась вовсе не полностью: была тёмная ночь, и демонический прихвостень должен был убивать.

На личное бедствие из купейной части вагона вышла непринуждённо беззаботная парочка: молодой человек, по имени Олег Выжимаев; милая девушка, наречённая Алёной Зака́товой. Они хотели тайком покурить; но... улицезрев трагическую картину, где-то жестокую, а в чём-то кошмарную, повели себя совершенно по-разному: восемнадцатилетний юноша, оказавшийся подвижным и развитым как физически, так и умственно, моментально ринулся прочь; красивая сверстница, хотя и не имевшая идеальной фигуры, но выглядевшая эффектно, не поборола безвольного ступора и разом застыла на месте. Она оказалась не в силах ни дышать, ни даже кричать: непобедимый страх завладел и телом и разумом.

Моложавому парню, миновавшему второй раздельный проём, пришлось возвращаться обратно. Он сильно любил ту милую девушку; а она за ним не следовала, значит, продолжала оставаться в опаснейшей ситуации. Верный поклонник вернулся обратно в рабочий тамбур – то было роковой, его самой большой, ошибкой... Потустороннее чудовище, поняв, что появились новые жертвы, бросило смирновское тело и двинулось к белокурой красавице; она застыла на месте и дрожала от нестерпимого ужаса. Маниакальный убийца как раз замахивался остроко-нечным ножом, чтобы нанести тычковую рану, как дверь, ведущая в вагонный салон, неожиданно распахнулась – и... появился Олег Выжимаев, поначалу сбежавший, но теперь готовый вступить бесстрашным защитником. Он не учёл немаловажное обстоятельство: с кем именно ему придётся иметь конкретное дело? Два пальца (средний и указательный) пробили юношеские глазницы, насовсем лишив его зрения. Надавливая на черепную коробку, заставили отважного дыхателя опуститься ниже и встать на колени.

Так и продолжая удерживать, Ростовский потрошитель (чтобы тот не кричал) воткнул ножевое лезвие прямо в рот; он перерезал тому язык, оставив способность только тупо мычать (совсем как полоумный телёнок). Теперь можно возвратиться к первичной задумке: вонзить огромный тесак в трепещущую от страха очаровательную Алёну. Ввиду нетронутой молодости (она его завела), пошли возвратно-поступательные движения; они не заканчивались даже тогда, когда Зака́това плавно осела на пол. Чури́лову пришлось нанести не менее семидесяти ранений, прежде чем у него случилась вторая эякуляция (скорее, повторная). Так и продолжая удерживать хрипящего Олега за обе глазницы, новоиспечённый Антон Ксенофóнтонович испражнился на окровавленный стан исполосованной девушки. Едва завершились те плотские удовольствия, перешёл ещё к одной жажде – она требовала прямого вида кровавых мучений. Он отвернулся от умершей барышни и перешёл к её кавалеру, загодя им чудовищно покалеченному. Кровожадный мучитель настолько быстро пырнул в него нож и извлекал из тела обратно, что понадобилось не меньше чем тридцать ударов, чтобы Выжимаев затих навсегда, вконец умерщвлённый. Восставший садист изрядно разнообразил: каждое ранения сопровождалось дополнительным разрезанием, от чего страдавшее туловище превратилось в сплошное кровавое месиво, а внутренние органы «повываливались» наружу.

Обьятый животным голодом, Ростовский потрошитель схватился за юную печень; он сожрал её прямо тут же, наслаждаясь молоденькой свежестью, ещё не сгубленной пагубными пристрастиями, распространёнными в нынешнем обществе. Потом последовали сердце и почки. И только после них маниакальный выродок достиг питательной сытости; похоже, одного прогнившего органа, добытого у пропитого бомжа, ему показалось мало.

Как ранее говорилось, даже подвергаясь воздействию демонических сил, необычный субъект никогда не терял разумную голову и поступал всё время осознано. Вот и сейчас, закончив инфернальное насыщение, он принялся в окровавленном тамбуре за собой прибираться. Суть первичной уборки состояла примерно в следующем: открылась входная дверь рабочего помещения; поочередно выбросились на улицу все три убитые тела. Производилась жутковатая операция с неестественной лёгкостью, и даже ожиревшее туловище, принадлежавшее пожилой проводнице, не вызвало ни малых затруднений... не мешкая, оно улетело наружу. Чури́лову стоило лишь схватить за полненькое запястье да и голеностопный сустав, а следом

швырнуть подальше – прочь из вагона. Он не был тупой дурак, и прежде забрал у неё изготовленные по стандарту дверные ключи; они позволяли беспрепятственно передвигаться в подвижном составе.

Но вот предательская оказия! На месте жуткого преступления (как, впрочем, и адской одежде) оставались неисчислимы кровавые пятна, а тамбурные полы образовали сплошную багровую лужу. Что же потусторонний изверг предпринял? Оставляя дверную створку открытой, он встал посередине отсека, закрыл безумные очи, скрывааемые большими очками, и, словно бы медитируя, на несколько секунд застыл с вытянутыми перед собою руками; ладони остались повернуты книзу. Достигнув достаточной концентрации, дьявольский прихвостень медленно перевернул несжатые кисти. Вместе с нехитрым движением (о, диво!), вся багряная жидкость, скопившаяся в купейном вагоне, стала неторопливо (где-то каплями мелкими, а где-то объёмными) отрываться ото всего: от шершавого пола, от гладеньких стен, белёсого потолка и сатанинского одеяния. Собралась в бесформенный сгусток, висевший в воздухе прямо на уровне чудовищных зенок. Ростовский потрошитель дождался, когда тот достигнет полного насыщения, и лёгоньким мановением излил зависший поток наружу, отменно очистив посадочный тамбур.

Ему бы уняться? Но! Кровавая жажда так и не покидала маниакального человека: тёмное время стояло в самом разгаре. Утолить её можно единственным способом: жестоко убивать любых, попавшихся на глаза, людей. При том что осуществилась бы кровавая задумка довольно легко: нужно просто проследовать в мирно посапывающий вагон. Подхватив неизменный портфель, на время истязаний уроненный на пол, неутомимый мучитель проследовал внутрь основного поездного пространства. Воспользовался ключами замученной проводницы. Открыл первое, следовавшее по ходу, купейное помещение. Оно оказалось двухместным. Там спокойно посиживали пожилой мужчина и молоденькая девица (наверное, родимая дочка?). Бездушный маньяк не стал разбираться в их родственной связи, а поочередно воткнул огромный кухонный нож сначала в тело тучное, а следом и в хрупкое. Постепенно превратил их в истекавшие кровью людские останки, где не встречалось «живого» места. Опешившие пассажиры даже не поняли, что с ними в действительности случилось и скончались, находясь в неосмысленном состоянии.

От истерзанных трупов маниакальный выродок избавлялся, попросту повыбрасывая их в боковое окно. Туда же последовала и скопившаяся внутри кровавая жидкость. Приблизительным способом воскресший убийца поступил и с остальными купе, пока вчистую не освободился от ехавших пассажиров. Приближался рассвет, и с первыми лучами блаженного солнца демонические силы оставили потустороннюю сущность; Антон Ксенофонович превратился в обыкновенного человека. Поскольку все койка-места случились свободными, он посчитал нормальным и занял первый, наиболее полюбившийся, номер. Не позабыл воспользоваться билетом хозяина. Поскольку стояла поздняя осень (и чтобы в пиджачке не выглядеть глупо), присвоил серый, чуть удлинённый плащ, пришедшийся в пору. Целиком успокоенный (удовлетворённый ночными тиранствами), одинокий путник растянулся на нижней полке и преспокойно уснул. Поезд был скоростной, и ехать оставалось чуть больше двенадцати с половиной часов.

Глава III. Маньяк-убийца уже в Москве

Город Новочеркасск просыпался на удивление медленно: утреннее солнце то появлялось, то снова скрывалось за набежавшими облаками. «Чудная игра» не помешала ночному таксисту, отъезжавшему от вокзала, при первых же бликах обратить внимание на необычный предмет; он валялся в поникшей траве и находился под нижним откосом. «Мало чего и где может лежать?» – справедливо подумал сметливый водитель. Он вот только проехал мимо и настоятельно отгонял пытливую мысль, заставлявшую целенаправленно встать, а следом пойти убедиться. Нет! Уехать не смог: сработала бывшая полицейская «жилка» (ещё совсем недавно он был отличный оперативник). Проехав пятнадцать метров, ответственный мужчина вернулся обратно, дабы лично удостовериться, что именно привлекло годами наработанное внимание.

Подъехав почти вплотную, рачительный горожанин выбрался из машины и пешим ходом направился осматривать интригованное место. Когда-то, в бывалом прошлом, Алексей Дмитриевич Заносский работал старшим оперуполномоченным новочеркасского уголовного розыска; теперь он являлся военным пенсионером и подрабатывал лишь частным извозом. Отставной офицер достигнул пятидесятивосьмилетнего возраста, представлялся высоким ростом, казался широким в плечах и обладал внушительной силой; лицо гляделось едва ли не круглым и выделялось глазами карими, носом прямым, губами широкими, по-хитрому узкими; голова давно начала лысеть и имела волосы только в задней части да по обоим бокам. Одежда выглядела самой обыкновенной и отличалась засаленной кожанкой, потёртыми шароварами и солдатскими берцами.

Заносский быстро преодолел короткое расстояние и остановился рядом с бездомным, накануне жестоко убитым. Тот и без того-то выделялся крайне непривлекательным видом, но на настоящий момент смотрелся, ну! просто ужасно. Даже у бывалого «опера» возникло неприятное отторжение. Оно не воспрепятствовало позвонить в дежурную часть и сообщить о страшной находке. Дежурить продолжала вчерашняя опергруппа – ей и пришлось выезжать на новый осмотр похожего трупа. По надкусанным внутренним органам, разбросанным рядом, и полному отсутствию сердца, не вызывало сомнения, что, кроме бесчеловечных убийств и дьявольской похоти, маниакальный преступник склонен к поеданию человеческой плоти, по-простому каннибализму.

– Ну точь-в-точь как тот чудовищный потрошитель! – воскликнул бывший оперативник, обращаясь к начальнику участковых. – Помнишь, Геннадич?

Рыков отлично знался с отставным офицером; некогда им даже пришлось недолго работать вместе. Поэтому фамильярная вольность осталась пропущенной мимо ушей, зато последовал подобный ответ:

– Разумеется, помню! Только ежели, Дмитрич, ты не забыл, то того поганого выродка расстреляли аж в 1994 году. Заметь, я лично присутствовал при составлении акта захоронения. Вывод? Думаю, мы имеем дело с каким-нибудь безумным последователем. Кстати, Козеев, – обратился он уже к подчинённому сослуживцу, – тебе давали отдельное поручение – проверить на причастность некую Дарью Шалуёву. Ты его сделал?

– Да! – с готовностью ответил молоденький офицерик, – и раздобыл немало интересные сведения.

– Вот как?.. – вставила веское слово Гринева, листая материалы уголовного дела. – Но почему я не наблюдаю подробного рапорта? Как прикажите вас понимать?! – Последнее высказывание относилось ко всей участковой службе.

– Действительно?.. – не меньше изумился старослужащий подполковник. – Почему, спрашивается, Серёжа, ты до сих пор не отчитался за спешное поручение и не оформил его, как полагается, письменным документом?

– Работы много... – попытался оправдаться не оперившийся на службе виноватый сотрудник; он тупо набычился, – думал с утра написать.

– Не такое случилось обыкновенное дело, – возразил Николай Геннадьевич, делаясь намеренно строгим, – чтобы чего-то откладывать на «потом»! Ладно, давай докладывай устно, что ты там «накопал».

– В общем, – начал рассказывать беспечный сотрудник, едва заметно дрожа и телом и голосом, – пришёл я к ним накануне вечером, а папа с мамой и говорят, что дочери их, хитренькой, дома нету. Большого труда мне стоило их убедить, чтобы выдали, что Шалёва ни с того ни с сего собрала все дамские штучки да носимые вещи и что она в поспешном порядке укатила в Москву. Там якобы числится её родимая тетка, если быть точным, отцова сестрица; у неё она и собирается в настоящее время остановиться.

– Странно?.. – проговорил задумчиво Рыков (оперативник-таксист общался с Викторией Александровной, аккуратно заполнявшей протокольные показания). – Как будто все «ниточки» ведут к сбегавшей девушке: и личные вещи у первого трупа, и второй покойник по ходу её прямого движения. Она в столицу на поезде выдвинулась – не так ли, Козеев?

– Всё верно, – подтвердил безответственный участковый, для убедительности кивнув.

В то же время на телефоне следователя раздался надсадный звонок. По окончании недолгого разговора она окликнула Николая Геннадьевича, чем неумышленно закончила их личное совещание.

– Товарищ подполковник, – обратилась она по принятой форме (а не как обычно, по имени отчеству), – мне отзвонился дежурный. Он сообщает, что на заброшенном кладбище обнаружена группа убитой, до неузнаваемости растерзанной, молодёжи. Не удивлюсь, если окажется, что все они являются друзьями Шалёвой, в спешке от нас убегающей. Теперь по сути! Нам велено заканчивать – здесь! – описывать всё более чем подробно. Туда выдвигается новая следственно-оперативная группа. Ещё на наши плечи ложится обязанность «по составлению запроса на обработку её московскими сыщиками».

***

Калистратов Игорь Владимирович служил в одном из подразделений Москвы, обслуживавшим Северное Медведково; он занимал должность старшего оперуполномоченного и имел звание майора полиции. Не совсем молодой мужчина, он достиг тридцативосьмилетнего возраста и через пару лет рассчитывал на раннюю пенсию. За долгие годы службы офицер набрался немалого опыта и мог работать, практически не выходя из личного кабинета; отличным подспорьем служила огромная агентурная сеть, сформированная на вверенной территории. Игорь виделся человеком подтянутым; он держал себя в строгости, не позволяя тлетворных излишеств, что позволяло оставаться и стройным, и энергичным, и в меру физически развитым. Не забывались регулярные спортивные тренировки, где большее предпочтение отдавалось приёмам рукопашного боя. Лицом он выдался смуглым, вверху закруглённым, а книзу продолговатым; серо-голубые глаза излучали расчётливый ум, необъятные аналитические способности; нос – прямой, с едва заметной горбинкой; губы скрывались за густыми, как и волосы, седевшими усиками. При всех положительных качествах Калистратов обладал одним негативным свойством: он слыл огромным лентяем и никогда не брался за новое дело, если не возникало острой, иногда и поспешной, необходимости.

Недавно к столичному сыщику приставили второго напарника, носившего звание младшего лейтенанта; он только-только закончил заочное обучение, профильное и высшее. Двадцатичетырёхлетний Рёмишев Юрий Михайлович перевёлся в уголовный розыск из московской патрульной службы; естественно, он не имел никакого оперативного опыта. Правда, в отличии от медлительного наставника, желал быстрее постигнуть сыскную науку и рьяно брался за всякие преступления, намереваясь сделаться отличным оперативником. Старший товарищ, видя излишнее рвение, сомнительно улыбался, но если и оговаривал, то относительно редко, лишь

в неприемлемых случаях, когда тот взваливал на себя задания, шедшие вразрез с розыскными обязанностями. Симпатичный парень казался выше и выглядел чуть больше развитым, однако на тренировках по рукопашному бою всегда уступал маститому сослуживцу в коротеньких спаррингах. Безусое, книзу вытянутое лицо считалось красивым, как у смазливой девчонки; оно «дышало» естественной, совсем ещё не тронутой, молодостью и обладало глазами карими (под цвет каштановым волосам), носом прямым, губами, чуть полноватыми (что говорило об общей доброжелательности).

После оперативных совещаний, проводимых каждое утро, Калистратов, по обычаю, следовал в их сумрачный кабинет; юный же напарник отправлялся за новым заданием, а заодно ознакомлялся с ориентировками, поступившими в отделение за ночь. Нетрудно догадаться, поручение о проведении отдельных следственных действий «...на проверку причастности Шалуевой Дарьи к совершенным в Новочеркасске жестоким убийствам», досталось именно «молодому». Впрочем, не без собственного желания, так как Рёмишеву и самому не терпелось поучаствовать в раскрытии громкого, хотя и жутковатого дела. Он тут же поспешил с подробным докладом!.. Однако большого энтузиазма от проявленной инициативы у Игоря не увидел.

– Успеем сделаем, – сказал тот разгорячённому юноше, готовому немедленно броситься в «бой» и провести технические мероприятия, – на исполнение второстепенных запросов у нас, как минимум, десять суток; при большом желании «волокут» можно до тридцати, но это уже чревато проблемами. В любом случае отложи покамест в сторонку: у нас есть дело значительно посерьёзнее.

– Что такое?.. Чего-то случилось? – несколько разочарованно полюбопытствовал Юрий; мысленно он арестовывал жестокую «маньячку-убийцу».

– Сейчас, – безо всяких эмоций пояснил старослужащий офицер; он достал из сейфа табельное оружие и убрал его в нательную кобуру, хранившуюся под мышкой и скрытую за красной болоньевой курткой, – мы поедem на вызов.

– Что-то произошло серьёзное? – поинтересовался младший лейтенант, повторяясь за опытным наставником, правда, с одним отличием – пистолет укрылся за чёрной кожаной курткой.

Сметливый парень не зря задался насущным вопросом. Хотя он и прослужил всего-то несколько месяцев, но отлично выучил привычки свёдущего напарника. Если тот удосуживался покинуть удобное, по-своему тёплое, место, значит, случилось чего-то немаловажное (из ряда вон выходящее). Он не ошибся, а Калистратов развеял любые сомнения:

– Пока я точно сказать ничего не могу, но поступила некая информация, что лесная посадка, расположенная вдоль речки Яуза – прошу прощения за каламбур – изобилует изувеченными, до жути растерзанными, покойниками. Нам, в составе следственной группы, необходимо выдвинуться на место и собрать как можно больше следов преступления, убедительных доказательств. Всё ли теперь понятно, что нам не до каких-то, не имеющих срочности, поручений?

– Да, – согласился со старшим товарищем Юрий, мгновенно переключившись на новое, не менее весомое, дело, – разумеется, оно намного важнее.

– Ну вот и не «хера» бескостными языками чесать, – пробурчал недовольный Игорь, уверенным шагом направившись к выходу. – Выдвигаемся выяснять все существующие подробности. Вперёд, на нужный объект! Поедем-ка на моей машине – мало ли куда придётся потом доехать?

Они себе даже не представляли, что именно им придётся в недалёком будущем лично лицезреть! В лесистой местности, на протяжении от парка «Свиблово», расположенного в Южном Медведково, вплоть до сквера по Олбонецкому проезду, граничившему с районом Северное Медведково, и немного дальше, бессистемно, при отсутствии причинно-следственной связи, обнаружили одиннадцать трупов людей различного и пола, и возраста, и обще-

ственной принадлежности (и языковой, и расовой, и национальной, и должностной, а также имущественной). Объединяло всех только одно: все они убивались огромным ножом, имевшим широкое лезвие, и терзались до высшей степени, когда узнавать их становилось практически невозможно. С одного из покойных, обнаруженного до утренней зорьки, успешно изъясались следы обильных семяизвержений мужчины.

Принимая во внимание необычный, чудовищно зверский, подход, применяемый к умерщвлению (а также количество трупов), на обстоятельное исследование затráтился целый день, вплоть до глубокого вечера. Садистский убийца получил кодовое прозвище «Московского потрошителя». Не успели закончить, а пришла вторая ориентировка. Согласно приведённого текста значилось: во-первых, поезд, прибывший из Новороссийска на Казанский вокзал, в одном из вагонов не имел ни единого пассажира (Чурилову удалось сойти незамеченным); во-вторых, начиная от города Новочеркасск и на протяжении более трёхсот километров, находились жуткие трупы, изрезанные широким ножом и невозможные к словесному описанию. Здесь даже неопытному сыщику Рёмишеву не составило особенных затруднений сложить воедино имевшуюся картинку; он сделал логичное заключение, что жестокий маньяк-убийца прибыл из южной части страны, исключительно из Ростовской области.

Воскресшее чудище словно тянуло в северо-восточную столичную часть. Оказавшись уже в Москве, оно всю ночь вылавливало одиноких, допоздна загулявших, жителей. Если они попадались где-нибудь на открытой местности, то восставшее исчадие ада искусно, пользуясь прошлой практикой, заманивало их к лесопарковой зоне, несговорчивых попросту оглушало рукояткой ножа, а после всё равно утаскивало в древесные насаждения. Те немногие зеваки, что попадались непосредственно в оголившихся скверах, убивались прямо на месте; все они безжалостно терзались и изошрённо мучились, пока не превращались в одно кровавое месиво. У некоторых отсутствовали жизненно важные органы; частично те обнаруживались поблизости, с характерными следами каннибализма (нет, точно, не дикого зверя). Непосредственная поимка, нетрудно догадаться, была поручена бывалому сыщику и молодому напарнику; все остальные службы также задействовались в оперативном мероприятии, по важности не видевшем равных. В Москве уж долгое время не случалось ничего, хоть сколько-нибудь похожего. По окончании неотложных следственных действий, когда опросили всех, кого возможно и невозможно, принялось ответственное решение, что на месте происшествия работу можно заканчивать. К лесопарковой зоне приблизились задействованные на службу ночные наряды; уставшим сотрудникам, к десяти часам вечера, разрешили разъехаться по домам. Но с неизменным условием! На следующий день, прямо с утра, продолжить прерванную работу.

– Как считаешь, – озадачился Калистрáтов резонным вопросом, когда они покидали лесистую территорию, – кто это может быть? По-моему, явно что кто-то не «наш», а, скорее всего, приезжий – возможно!.. – из ближнего зарубежья.

Именно сейчас, замотавшись за трудный день, Юрий вспомнил про отдельное поручение, пришедшее из Новочерка́сска. В то же мгновение его практически осенило!

– Помнишь, Игорь, – у полицейских сыщиков не принято придерживаться армейской субординации, поэтому равнозначные сотрудники, пусть и имеющие различные звания, предпочитают устанавливать панибратские отношения и обращаются друг к другу только по имени, – я говорил сегодняшним утром про ответственное задание, составленное в отношении некой Шалуёвой Дарьи, поселившейся в нашем районе.

– Да?.. – согласился смущённый наставник, нахмурившись, как будто вспоминает либо анализирует, – вроде чего-то было... но я не пойму: как всё это может быть связано?

– Если бы ты прочитал тот присланный документ, а не отложил его в сторону, – сделал горделивое заключение молодой лейтенант, повергнув второго напарника в ещё бо́льшие размышления, – то ты бы чётко себе представлял, что нас просят проверить новочеркасскую

девушку – заметь! – на причастность к совершению ряда убийств, полностью совпадающих с «нашими» как по жестокости, так и по манере их исполнения.

– Ладно, – промолвил старший оперативник, садясь вместе с Рёмишевым в служебную ВАЗ 2114-ю и направляясь в сторону отдела полиции, – сейчас уже поздно – только на лишние проблемы нарвёмся, если прямо сейчас направимся «вытаскивать» её из квартиры. А, вот завтра!.. Прямо после общей оперативки, мы и посмотрим, что там за «дельное» поручение, – он язвительно ёрничал, – и что за отчаянная девица? Лично я что-то мало верю, будто всё последнее лихое действо смогла проделать слабенькая девчонка. Нет, здесь явно орудует зрелый мужик, имеющий немалую силу. Кстати, идентичный вывод напрашивается по оставленной сперме, – бывалый оперативник презрительно усмехнулся. – У представительниц прекрасного пола навряд ли найдутся подобные выделения?

– Но, – обиженным тоном заметил младший сотрудник, отворачиваясь в правую сторону и глядя на улицу через окно пассажирской двери, – там и не говорится, что жуткие убийства совершает именно та молоденькая особа, а просто просят проверить её на причастность. Возможно, она знает чего-то такое, что поможет выйти на настоящего маньяка-убийцу, – не зря же в спешном порядке свалила из родного провинциального городишки?

– Может быть, может быть?.. – задумчиво, словно для одного себя, подытожил Игорь, и рассуждения напарников незадачливо прекратились; они как раз подъехали к отделу внутренних дел, а значит, пора была идти по домам, пока не «нагрузили» какой-нибудь лишней, совсем ненужной, работой. – Не забудь написать подробный рапорт об осуществлённых мероприятиях, чтобы к утру «воткнуть» его в уголовное дело! – прикрикнул старший сыщик, когда Юрий отделился метров на двадцать.

Почти в тот же самый момент двое сотрудников полка ППС, дежурившие неподалёку от лесопарковой зоны, мирно дремали в служебном автомобиле. В тупой беспечности они наивно предполагали, что при значительной концентрации полицейских (сколько их выставлялось в ближайшей округе) никакой маньяк не решится где-нибудь рядом орудовать. Оба являлись молодыми парнями, недавно закончившими школу полиции; теперь они проходили заочное обучение в высших юридических заведениях. Сотрудники представлялись хотя и худощавыми, но, при высоком росте, достаточно развитыми; красивые лица и форменное обмундирование делали их практически одинаковыми. Рулевого звали Орешкиным Виктором; он достиг двадцатитрёхлетнего возраста и носил звание старшего сержанта полиции. Мерзоев Эдик Рафикович – его обычный напарник; он рядовой двадцатидвухлетнего возраста.

Вдруг! В окошко, расположенное с водительской стороны, постучал неизвестный мужчина. По внешнему виду он приближался к пенсионному возрасту, но, главной, его чертой являлись большие очки, сверкавшие в ночной темноте каким-то дьявольским блеском; они имели характерную квадратную форму.

– Господа учтивые полицейские, – сказал он ровным, спокойным голосом, не внушавшим нехороших эмоций или сомнительных подозрений, – я сейчас проходил по ближнему скверу и наткнулся то ли на мёртвое тело, то ли чего-то необычайно похожее. Вся беда в том, что я не отважился подойти поближе и рассмотреть поподробнее. Вы со мною не сходите?.. Представительно не посмотрите?

Орешкин, выведенный из сонного состояния несколько негуманным способом, толкнул второго напарника локтем. Разбудив, промолвил дрожащим голосом, что в нестандартной ситуации, впрочем, делом являлось вполне обыденным:

– Эдик, давай просыпайся, кажется, есть работа?.. Вон бдительный гражданин сейчас утверждает, что нашёл – то ли труп, а то ли не труп? – но, сам понимаешь, необходимо пойти убедиться.

Оба полицейских одновременно покинули удобный салон и оказались на стылой ноябрьской улице.

– Ведите показывайте, – учтя почтительный возраст, старший сержант придал себе вежливых интонаций, – посмотрим: чего там у «Вас» приключилось?

Чурилов (а то был именно он) повёл учтивых сотрудников в аллею глубины, направляясь к общественным туалетам; там, и действительно, имелись чёткие следы волочения, ведущие к задней части непрезентабельного строения. Напряглись. Дело, и правда, казалось нешуточным. Медленно продвигаясь вдоль примятой травы, недалёковидные «пэпээсники» шли, пока не упёрлись в покойное тело, немисливо изуродованное; некогда оно принадлежало молодой да красивой женщине. И Мерзоев, и русский напарник от представшего жуткого вида «поотворачивались» в разные стороны и принялись активно очищаться от принятой пищи. В пикантный момент (вдруг!) первый (что был «помоложе») мучительно захрипел: ему перерезали незащищённое горло. Блевавший напарник предупредительно обернулся и, к ужасу, засвидетельствовал невиданную картину: невзрачный очкарик наносил, раз за разом, множественные удары ножом и осатанело вонзал его в другого товарища. Прямо на глазах тот превращался в нечто, отвратительно несуразное и изрыгавшее кровавые внутренности.

Несмотря на тошнотворное состояние и необычность представшего «дива», второй полицейский кое-как сумел с собой совладать, извлёк наружу табельное оружие и трящимися руками повёл бесперебойную, ни на миг не прекращавшуюся, стрельбу. Как бы он не старался, замутнённый взор и недужное головокружение помешали провести прицельные выстрелы. Потусторонний посланец, в отличии от него, чувствовал себя больше чем превосходно. Едва началась тупая пальба, он не замедлил переключиться на Виктора и бросился на живого сотрудника, словно сошедший с экранов увёртливый ниндзя, ловко уклонявшийся от предназначенных пуль. Приблизившись едва не вплотную, Чурилов нанёс ножовое ранение в нижнюю часть живота, на пару секунд застыл, а дальше, применяя возвратно-поступательные движения, поднял стальное лезвие до костного верха, до солнечного сплетения. Разрезанные брюшные ткани освободили кишечник, который тут же и вывалился наружу. У располощёванного сотрудника потемнело в глазах, и, теряя сознание, тот завалился, безвольный, на голую землю. Потом растерзалась грудная клетка, разрезаемая острым клинком; наружу вывернулись и сердце и лёгкие. К концу чудовищной пытки бездушный убийца вырезал у Орешкина пах и забрал его в качестве дьявольского трофея; он разместил его в целлофановой упаковке, а следом припрятал в страшный, нагнетавший адского страха, портфель. Он намеревался отрезать ещё и ровенький нос, но (тут!) услышал осторожно приближавшиеся шаги – это полицейские, несшие службу неподалёку, аккуратно двигались к опасному месту, откуда раздались недавние выстрелы.

Их поведение являлось разумным, вполне объяснимым: не было точно известно, кто конкретно стрелял (да с какой поставленной целью?). Не исключалась немалая вероятность, что пальбу повёл остервенелый преступник, и никому не хотелось, не разобравшись в двусмысленной ситуации, попасть под прицельный огонь коварного недруга, притаившегося в незримой засаде. Итак, предельно осторожничая, к месту прискорбного происшествия, с разных сторон, шли шестеро сотрудников патрульной службы и трое спецназовцев. Чурилову, прекрасно ориентировавшемуся на местности и видевавшему в темное время не хуже, чем дикая кошка, легко удалось уйти незамеченным. Между делом он сделал разумные выводы, что необходимо поменяться преступным расположением, дабы избежать излишних, ненужных ему, неприятностей, – мысли вполне оправданные, не лишённые здравого смысла. Хотя он и считался полноправным исчадием ада, а соответственно, являлся бессмертным, но испытывать потустороннее тело на прочность (способность противостоять многочисленным свинцово-стальным зарядам) бездушный убийца (и вовсе!) не собирался; по его разумению, от неприятного опыта лучше бы уклониться.

Глава IV. Очередные страхи и треволнения

Уже третьи сутки Даша находилась у тётки, проживавшей в северо-восточной части столицы, в одном из высотных домов, теснившихся среди многочисленных новостроек; те возвелись совсем недавно, располагались в Северное Медведково, едва не доходили до МКАД и практически сливались с городом Химки. Шалúева Ирина Ильинична никогда не была замужем, официальным отношениям предпочитая гражданские браки; они, как известно, ни к чему не обязывают. В настоящее время она оставалась без спутника жизни и, живя одиноко, несказанно обрадовалась посещению любимой племянницы. Касаясь общественной значимости, ещё в молодые годы напористой женщине повезло устроиться работать в солидную финансовую компанию; в ней она смогла заработать и трёхкомнатную квартиру, и дорогущую иномарку, выпущенную солидным немецким концерном, под названием «мерседес». Неотразимая внешность? В тридцать пять лет она выглядела очаровательной, несравненно симпатичной красавицей и имела очень эффектные формы, ничуть не наделённые лишними килограммами; отцова сестра точь-в-точь походила на Дарью как милым лицом, так и сногшибательным станом, единственно, выглядела немножечко старше (с нанесённой косметикой они смотрелись как две родные близняшки) и различалась по чёрному цвету волнистых волос. Узнав, что плутоватая девушка приехала на долгое время, а главное, что она собирается посещать подготовительный курс театрального обучения, Ирина Ильинична вызвалась принять активное участие в намеченной учебной программе. Заодно помочь, если возникнут непредвиденные, никак не разрешаемые, проблемы.

В десять часов утра в железную дверь квартиры, где уютно устроилась Дарья, раздался надсадный звонок. Потом зазвучали и громкие, едва ли не барабанные стукки.

– Откройте! – грубо кричали с той стороны, не особо церемонясь в иносказательных выражениях. – Это полиция, «на-а»!

Зеленоглазая красотка всё ещё мило спала. Идти оформляться на платную подготовку (деньги у состоятельной семьи имелись и недостатка особого не было) она намеревалась лишь после обеда; а значит, можно предаваться сладостной неге, особо не заморачиваясь. Сквозь глубокий сон (неожиданно!), как будто откуда-то издалёка, она расслышала посторонние, сплошь неестественные, шумы; те требовали её обязательного внимания. Не тут-то и было! Размякший мозг настолько не захотел расстаться с царством Морфея, насколько никак не вырывался из спокойной, блаженно счастливой, дрёмы. Являясь девушкой молодой, Даша не заикливалась долго на одних и тех же переживаниях – она успела откинуть всё, что приключилось в последнее время. Блондинка с изумрудными глазками полностью успокоилась; она себя убедила, что «в Москве ростовский маньяк её никак не достанет». Укутавшись с головой, Шалúева отвернулась к стене – а громкие звуки становились всё громче и громче! Волей-неволей пришлось просыпаться.

– Открывайте, или мы выломаем, «к чертям собачьим», вашу проклятую дверь! – выходя из себя, орал грубый голос Игоря Калистрáтова.

– Может, дома нет никого?.. – вторил рассудительный Рёмишев, засомневавшийся, что неслышанный грохот оставит кого-нибудь равнодушным. – Хозяйка, – предварительно они разузнали, кому принадлежит та фешенебельная квартира, – вероятнее всего, находится на работе, а её провинциальная гостя могла отправиться погулять, бесцельно побродить, впустую «поротозейничать» – в общем, поглазеть на столичный, во всём благоустроенный, город.

Ни тот ни другой не догадывались, что сметливая барышня взяла мобильный iPhone и что она поспешно набирала великосветскую родственницу, непримиримую к всевластному произволу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.